

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.02

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-62-68

Дата поступления: 10.06.2024
рецензирования: 09.09.2024
принятия: 25.09.2024

Р.Г. Житко

Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: romanzhitko92@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8821-0955>

Категория Ничто как фактор эстетики и поэтики литературы модернизма

Аннотация: в статье определяется специфика влияния представлений о Ничто на художественную философию и эстетику модернизма. Констатируется, что ощущение «рубежности» времени создавало неоднозначное восприятие мира: мистический страх «кануть в Ничто» вместе с «умирающим» миром, горечь утраты «прежнего» мира сочетались с ожиданием неизбежного возрождения. Ничто становится системообразующим фактором художественной философии и эстетики модернизма. Модернизм возражает как против ницшеанской концепции «смерти Бога», так и против рационально-прагматического понимания бытия. Модернистская рефлексия о Ничто означает стремление к классическому ценностному отношению к миру, манифестирует спасение культуры, человеческого и божественного в человеке, утверждает представление о высшем (в онтологическом и ценностном смысле) бытии. Поэтому определяющим положением модернистской эстетики оказывается утверждение наличия Высшего и Сакрального, одним из репрезентантов которого в тексте становится Ничто. Теоретики модернизма проявляют интерес к различным традициям осмысления Ничто в культуре и осваивают их в эстетике и поэтике. Гетерогенность наследуемых традиций порождает многообразие поэтико-философских концепций: установка на познание Непознаваемого через символическую образность, мифо-теургические построения как основа «негативной эстетики» XX в. сочетались с онтологизацией Ничто в хронотопе художественного произведения на основе сближения архетипических оппозиций и утверждения ценности духовного усилия, направленного на постижение высшего смысла бытия. Таким образом, категория Ничто в эстетике модернизма выступает воплощением онтологической проблематичности непостижимого мира, признаком его эпистемологической неопределенности, соотнося Абсолютное и Непостижимое с Прекрасным.

Ключевые слова: Ничто; Пустота; категория; эстетика; поэтика; модернизм.

Цитирование: Житко Р.Г. Категория Ничто как фактор эстетики и поэтики литературы модернизма // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 3. С. 62–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-62-68>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Житко Р.Г., 2024 – магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии, Гродненский Государственный университет имени Янки Купалы, 230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22.

SCIENTIFIC ARTICLE

R.G. Zhitko

Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Republic of Belarus
E-mail: romanzhitko92@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8821-0955>

The category of Nothingness as a factor in the aesthetics and poetics of modernist literature

Abstract: the article defines the specifics of the influence of ideas about Nothingness on the artistic philosophy and aesthetics of modernism. It is stated that the feeling of the "liminal" time created an ambiguous perception of the world: the mystical fear of "sinking into Nothingness" together with the "dying" world, the bitterness of the loss of the "former" world were combined with the expectation of an inevitable revival. Nothingness becomes a system-forming factor in the artistic philosophy and aesthetics of modernism. Modernism

objects both to Nietzschean concept of the "death of God" and to the rational-pragmatic understanding of being. Modernist reflection on Nothingness means striving for a classical value attitude to the world, manifests the salvation of culture, the human and the divine in man, asserts the idea of the highest (in the ontological and value sense) being. Therefore, the defining position of modernist aesthetics is the assertion of the presence of the Supreme and the Sacred, one of the representatives of which in the text is Nothingness. Theorists of modernism show interest in various traditions of understanding Nothingness in culture and master them in aesthetics and poetics. The heterogeneity of inherited traditions gives rise to a variety of poetic and philosophical concepts: the focus on cognition of the Unknowable through symbolic imagery, mytho-theurgic constructions as the basis of the "negative aesthetics" of the 20th century were combined with the ontologization of Nothingness in the chronotope of a work of art based on the convergence of archetypal oppositions and the affirmation of the value of spiritual effort aimed at comprehending the highest meaning of existence. Thus, the category of Nothingness in the aesthetics of modernism acts as the embodiment of the ontological problematic nature of the incomprehensible world, a sign of its epistemological uncertainty, correlating the Absolute and the Incomprehensible with the Beautiful.

Key words: Nothingness; Emptiness; category; aesthetics; poetics; modernism.

Citation: Zhitko, R.G. (2024), The category of Nothingness as a factor in the aesthetics and poetics of modernist literature, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 62–68, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-3-62-68>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Zhitko R.G., 2024** – Master of Science in Philology, Senior Tutor at the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno, 22, Ozheshko str., Grodno, 230023, Belarus.

Введение

Начальный период развития культуры XX в. отмечен усиливающимся ощущением нестабильности, потери ориентиров, утраты ценностей уходящего столетия, вследствие чего в мировоззрении актуализировался ряд экзистенциально важных вопросов. Поиск ответов на эти вопросы потребовал внимания к универсальным мировоззренческим категориям, уходящим корнями в древнейшие эпохи; к числу таковых относится категория Ничто (и синонимичная ей Пустота), при этом литература модернизма трансформирует её из сугубо мировоззренческой в категорию художественной поэтики, вследствие чего Ничто приобретает функционально-телеологическую значимость в построении хронотопа, системы образов и мотивов произведения, а также его ценностной специфики.

В.А. Мескин отмечает, что на рубеже XIX–XX вв. усиливается т. наз. «кризис сознания», с которым связано трагическое мироощущение мыслителей и творцов того времени (Мескин 1997, с. 20–98). По замечанию К.Г. Исупова, «человек переходного времени конца XIX–XX вв. оказался запертым внутри квадрата, четыре точки которого составили: 1) релятивистская картина мира (А. Эйнштейн, Г. Кантор); 2) психиатрия ментальных разоблачений (фрейдизм); 3) жанрово-стилистический кризис в литературно-художественной классике; 4) массовые преступления против человечности» (Исупов 2012, с. 19). Все эти процессы, в том числе убыстрение истории, на что обращает внимание Ю.Б. Борев (Борев 2001, с. 259), отражаются в эстетических принципах

модернистской литературы. В широком смысле человечество входило в период глубокого и масштабного кризиса: социально-исторического, мировоззренческого, политического; так, в частности, О. Шпенглер характеризует эту эпоху как время заката европейской цивилизации (Шпенглер). Упадок гуманистических ценностей резко контрастирует с бурным научно-технологическим ростом, сопровождавшимся трансформацией ряда общественных институтов. Поэтому, отмечает А.М. Зверев, современники ощущали свою эпоху как время «необратимых перемен, сопровождающихся крахом верований и духовных ценностей, которыми жили предшествующие эпохи» (Зверев 2001, с. 566–567). Ощущение разрыва с прошлым, отчуждения от истоков порождало чувство экзистенциальной тревоги и неопределенности. «Оглядываясь на сто лет, мы видим, как на рубеже двух веков "прервалась связь времен", как резко оборвалась красная нить, проходящая сквозь тысячелетия западного искусства» (Генис). Дальнейшие исторические события и реалии (мировые войны, тоталитарные режимы, социально-политические потрясения, неоднозначность научно-технического прогресса и многое другое) продемонстрировали обоснованность тревоги модернистов за будущее человечества. Модернистская эстетика ищет ответы на возникающие перед литературой и искусством вопросы в культурном наследии и традиции; по мнению Ю.Б. Борева, те или иные течения внутри модернизма близки сразу нескольким различным эстетическим концепциям, развившимся в предыдущие эпохи; кроме того, европейско-американская литературная традиция

вступает в продуктивное взаимодействие с эстетическими принципами других, «экзотических», литератур (Борев 2001, с. 259).

В свою очередь, Н.А. Бердяев отмечал: «Много кризисов искусство пережило за свою историю... Но то, что происходит с искусством в нашу эпоху, не может быть названо одним из кризисов в ряду других. Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах. Окончательно померк старый идеал классически прекрасного искусства, и чувствуется, что нет возврата к его образам» (Бердяев). Перед модернистами встает философско-эстетическая проблема, решение которой требовало поиска выхода из культурно-исторического тупика, восстановления классических культурных и нравственных ценностей, преодоления гуманитарного кризиса. Становится очевидной необходимость нового осмысления Прекрасного, и творческая рефлексия о Ничто в модернизме олицетворяет не только философское, но и эстетическое вопрошание авторов о мире, о бытии, о человеке. Вновь возникают ключевые вопросы: «что есть Прекрасное?», «каковы его критерии и признаки?», «как противопоставить Прекрасное и безобразное?». Постепенно эстетизм становится «универсальным стилем жизни» модернистской эпохи, определяя стремление создавать вокруг человека эстетически маркированную культурную среду (Борев 2001, с. 261). Литература (и в целом искусство) превращается в оплот Прекрасного в нестабильном и беспокойном бытии.

Основная часть

Деятели культуры и искусства эпохи модернизма, «испытывавшие бесчисленные нравственные потрясения, ощущали себя путниками, балансирующими на грани бытия и не-бытия» (Севастьянова 2011). Ощущение «рубежности» происходящего создавало неоднозначное восприятие мира: мистический страх «кануть в Ничто» вместе с «умирающим» миром, горечь утраты этого «прежнего» мира во всех его проявлениях сочетались с ожиданием неизбежного возрождения бытия в новом качестве. Именно поэтому размышление о Ничто становится одной из центральных тематических линий в литературе, став системообразующим фактором художественной философии и эстетики модернизма. Модернизм возражает как против ницшеанской концепции «смерти Бога», так и против рационально-прагматической концепции бытия. Таким образом, возникает и развивается, в том числе под влиянием классических (архетипических) мировоззренческих представлений, комплекс идей о наличии скрытого в мире и человеке, о необходимости постижения высшего смысла бытия, который лежит за пределами рационально-эмпирического модуса. Данное явление

впоследствии получает название «a realibus ad realiora» – «от реального к реальному» (Зверев 2001, с. 567).

Все эти обстоятельства оказывают определяющее влияние на развитие эстетической системы модернизма и на специфику рефлексии о Ничто в этой системе. «Реставрация» Ничто, воплотившего в себе совокупность представлений о Сакральном как о высшей ценности, была обусловлена рядом причин ценностного характера. Во-первых, накоплению объема фактических знаний о мире во второй половине XIX в. не сопутствовало столь же значительное культурно-нравственное развитие человечества, напротив, многие естественнонаучные открытия вызвали у гуманитарной интеллигенции опасение о грядущем «расчеловечивании» культуры. Во-вторых, становилось все более очевидным, что с расширением сферы познания расширяется сфера Непознанного (и, вероятно, непостижимого). В-третьих, рационально-прагматические научные концепции конца XIX в. не смогли заменить религию и философию в аспекте целостного объяснения бытия, не смогли предложить внятную систему ценностей. Напротив, модернистское утверждение Ничто означает стремление к классическому ценностному отношению к миру, манифестирует спасение культуры, человеческого и божественного в человеке, утверждает идею о высшем (в онтологическом и ценностном смысле) бытии. В этом проявляет себя парадоксальная черта модернистской эстетики и философии: сочетание новаторства художественного поиска с заметным традиционализмом мироощущения.

Ряд философов эпохи модернизма (М. Хайдеггер, Г. Зедльмайр, П.А. Флоренский, В.В. Розанов) обратили внимание на происходящие мировоззренческие изменения, которые нашли отражение в искусстве рубежа XIX–XX вв. и были связаны с возросшим интересом к феноменам мира и их скрытой сущности, к онтологизму бытия в его духовной автономности (Едошина 2002, с. 6–8). Происходит значительная трансформация художественной философии: модернистская эстетика отказывается от реалистического жизнеподобия, заменяя его стремлением к подчеркнутой условности художественного мира; этим отражается непостижимость подлинного смысла бытия. Мир, моделируемый в литературе модернизма, превращается в проекцию метафизических идей: «в целом размышления Хайдеггера, Гадамера, Флоренского, Розанова, Зедльмайра, Бахтина, связанные с осмыслением своеобразия художественных исканий в искусстве XX в., подводят к проблеме их целостности, акцентируют приоритетность онтологического подхода, позволяющего увидеть в скрытых основаниях форм предметного мира их мыслимое духовное содержание» (Едошина 2002,

с. 27–30). Из этого проистекают принципиально значимые в контексте данного исследования положения: во-первых, модернистская картина мира утверждает наличие Высшего и Сакрального, одним из репрезентантов которого в тексте становится Ничто; во-вторых, Ничто в гносеологическом отношении представляет собой неразрешимую проблему как для автора, так и для героя; в-третьих, особую ценность обретает духовное усилие, направленное на постижение высшего смысла бытия.

В.С. Севастьянова констатирует, что Ничто (и его синонимический вариант Пустота) присутствует в большинстве произведений начала XX в. Модернисты, осмысляя свою эпоху, ощущают «вторжение» небытия в бытие, следствием чего становится ряд изменений в художественном философствовании и художественном языке эпохи (Севастьянова 2010, с. 45–50); (Севастьянова 2011, с. 109–118). Категория Ничто выступает олицетворением онтологической проблематичности непостижимого в своей сущности мира, признаком «эпистемологической неуверенности», сомнений в правильности понимания действительности. Одной из важнейших мировоззренческих установок модернизма становится стремление к преодолению «механицизма» восприятия мира, тяга к постижению его метафизической сути. Недостижимая Истина (отождествляемая с Высшим Разумом, Богом, отчасти – с эстетической категорией Прекрасного), по представлениям модернистов, находится в сфере несуществования, небытия, великого священного божественного Ничто (Севастьянова 2011). Эта непостижимая сфера, лежащая за пределами бытия, мысли и слова, представляется модусом Абсолюта и предстает истоком и условием существования зримого мира.

Развиваемая в модернизме идея о Сакральном и Непознаваемом Ничто восходит к мифу Платона о пещере – аллегории, согласно которой человек ничего не знает об истинном (сверхчувственном) мире, освещаемом истинным солнцем; это идеалистический миф, утверждающий иллюзорность реальной действительности, обесценивающий телесные ощущения, исполненный веры в иной мир, в трансцендентность, в Идею (Хайдеггер, с. 16–27). В модернистской парадигме с данными положениями коррелируют идеи неоромантизма, откуда в модернизм входит ряд типологически сходных явлений: темы одиночества и отчуждения, проблема духовных исканий, стремление к Непостижимому, Священному, таинственному. Ф.П. Федоров отмечает, что, в частности, символизму, как и романтизму, свойственно «сосредоточение на изображении вечности, мыслимой как истина, добро, красота, как сфера идеала, как нечто подобное платоновской идее» (Федоров 2004, с. 324).

Идеалистический модус осмысления Ничто корреспондирует также с положениями религиозно-философской картины мира (Булгаков 1994, с. 122), в которой Ничто отражает непостижимость мира. На формирование представлений о гносеологическом статусе Ничто на рубеже XIX–XX вв. оказали влияние идеи В.С. Соловьёва о том, что Абсолютное первоначало, с одной стороны, объективно недоступно для гносеологии, поскольку не является материальным предметом познания, но, с другой стороны, может быть исследуемо в качестве предмета мысли. При этом истинность существования Абсолютного не ставится под сомнение (Соловьёв 2013, с. 336, с. 323). В этом вопросе В. Соловьёв не ограничивается христианским пониманием проблемы, но, по замечанию Л.Л. Авдейчик, «стремится к примирению антагонистических систем языческой (античной) мифологии и христианского вероучения», настаивая на их «эзотерической близости» (Авдейчик с. 35). Исследователь отмечает влияние идей Платона на поэтику и метафизическую концепцию Всеединства В. Соловьёва. Проблема преодоления, заполнения Пустоты, духовного соединения с Вечностью, с Абсолютом приобретает принципиальное значение в художественной философии автора (Авдейчик с. 39–40). Позднее С.Л. Франк, рассматривая в религиозном ключе проблему нравственных ценностей, развивает концепцию «бесплотной Пустоты чистой идеальности» (Франк). Таким образом, сферу Абсолютного (соотносимого в эстетическом отношении с Прекрасным) допустимо рассматривать в качестве ключевого объекта модернистской гносеологии, в качестве категории, с которой модернистское Ничто вступает в отношения частичного тождества.

Данная установка определяет несколько мировоззренческих ориентиров модернизма. С одной стороны, признание истинности Ничто влечет за собой вопрос об онтологической сущности вещественного мира, о корреляции в нем Ничто и нечто, пустоты и предмета. С другой стороны, возникает потребность в художественном осмыслении опосредованного проникновения Ничто в бытие, что означает изображение непостижимого, переживание необъяснимого: «темное созерцание, погружение в колодезь Ничто» (Севастьянова). О.А. Ханзен-Лёве отмечает, что модернизму свойственно стремление выразить «абсолютное, божественное, высочайшее» (Ханзен-Лёве 2016, с. 80), то есть невыразимое. Способом освоения данной сферы в модернизме становится образное воплощение непостижимых явлений, недоступных для рационального осмысления. Превращение Неведомого в образ, а значит в явление постижимого бытия не означает его постижение – оно остается недоступным. Поэтому возникает вопрос о Ничто как о факторе онтологии художественного мира в

целом, то есть о его специфике в пространственном и временном модусе. Иными словами, данная категория рассматривается как метафизическая, и с этой целью авторы-модернисты актуализируют философскую и мифологическую традицию.

В русской литературе одними из первых обращаются к изучению проблемы Ничто в философском ключе В. Брюсов, Андрей Белый, Вяч. Иванов, в творчестве которых попытка постижения Непостижимого осуществляется посредством символической образности. Гетерогенность наследуемых традиций порождает многообразие поэтико-философских концепций: «позиция Белого, как и Брюсова, предполагала установку на узнавание, “чтение” априорно заданной органической символики и присвоение этих гносеологических трофеев на языке соответствий <...>. Гносеологизму Белого и Брюсова продуктивно противостояла мифо-теургическая концепция В. Иванова» (Исупов 2012, с. 15), что не отменяло общность их интереса к «ключам тайн» как «объекту познания» (Исупов 2012, с. 15), основополагающему в модернистской эстетике и поэтике. Идея Андрея Белого о «преодолении языка», восходящая к мысли о непогрешимости абсолютного молчания, выразилась в формуле «Совершенно только Ничто», ставшей одной из основ «негативной эстетики» XX в. (Казин). В дальнейшем эта концепция в своем предельном выражении приводит к идее «литературы молчания», сформулированной С. Беккетом и заключающейся в «отказе» от творчества и замещении текста пустыми страницами. Другое направление осмысления Ничто связано с актуализацией архетипических бинарных оппозиций. А.М. Зверев называет мифологизм одним из основных признаков построения модернистского художественного мира (Зверев 2001, с. 569). Поэтика модернизма тяготеет к упорядочению, иерархизации, структурированию хронотопа, в котором противопоставляются такие архетипические пары, как нынешнее – прошлое/грядущее, далёкое – близкое, временное – вечное, живое – мёртвое. «Сближение» этих противоположностей в контексте переходной эпохи актуализировало восходящую к мифу концепцию циклического бытия и обусловило специфику онтологизации Ничто в хронотопе художественного произведения.

Заключение

Начало XX в., став временем смены культурных, философских, эстетических и художественных парадигм, выдвинуло новую эстетику, одним из системообразующих факторов которой стала творческая рефлексия о категориях Ничто и Пустота. В литературе модернизма Ничто коррелирует со сферой Непознанного, Сакрального и Трансцендентного. Абсолютное Ничто актуализируется в семантике «нулевого времени» и «ну-

левого пространства» как фактор рубежного момента бесконечного циклического бытия; в то же время Ничто мыслится и в качестве связующего компонента циклов времени, данная диалектическая связь противоположных аспектов понимания категории Ничто служит для художественного воплощения антитезы «уничтожение – творение». Мифологические истоки Ничто проявляются в построении ситуации «остановившегося времени», конечного бытия, утраченного предмета либо прерванного существования. Ничто приобретает двойственную семантику, связывая структурные элементы хронотопа и разграничивая их; бесконечное (циклическое) время Вселенной противопоставляется конечному времени существования субъекта/предмета. Используется темпоральное и пространственное значение «предельности» и рубежности; моделируется «время *никогда*» и «пространство *нигде*». Ничто/Пустота приобретает двойственную семантику, сочетая негативный и позитивный семантический компонент, однако ключевым фактором остаётся связь категории Ничто с сакральной сферой. Гетерогенность представлений о Ничто в мировой культуре обуславливает наличие разных индивидуально-творческих преломлений модернистской художественной философии в произведениях.

Библиографический список

- Авдейчик Л.Л. Культурный синтез в поэзии В.С. Соловьёва // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-sintez-v-poezii-v-s-solovieva>. (дата обращения: 09.09.2023).
- Бердяев Н.А. Кризис искусства // Электронная библиотека Одинцовского благочиния Московской епархии. 2024. URL: http://www.odinblago.ru/krizis_iskusstva. (дата обращения: 11.09.2024).
- Борев Ю.Б. Период постмодернизма: человек не выдерживает давления и становится постчеловеком // Теория литературы. Том. IV. Литературный процесс. Москва: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 624 с.
- Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Москва: Республика, 1994. 415 с.
- Генис А.А. Модернизм как стиль XX века // Журнальный зал. 2024. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/11/genis.html> (дата обращения: 12.09.2024).
- Едошина И.А. Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы: [Монография]. М-во образования Рос. Федерации. Рос. гос. гуманитар. ун-т. Москва; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002. 250 с.
- Зверев А.М. Модернизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва, 2001. С. 566–569.

- Исупов К.Г. Символизм и герменевтика // *Opuscula slavica sedlcensia*. Т. I. Седльце, 2012. 98 с.
- Казин А.Л. Андрей Тарковский. «Андрей Рублёв» [Электронный ресурс] // Портал «Слово». 2024. URL: https://www.portal-slovo.ru/art/35941.php?ELEMENT_ID=35941&PAGEN_1=4. (дата обращения: 11.09.2024).
- Мескин В.А. Кризис сознания и русская проза конца XIX – начала XX в. Москва: Прометей, 1997. 137 с.
- Севастьянова В.С. «Качая мглой, встает ничто...» (О проблеме не-бытия в поэзии русского модернизма и в литературоведческом дискурсе) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 61. 2011. № 37 (252). С. 109–118.
- Севастьянова В.С. «В темь изначальную...»: эманатический универсум Андрея Белого // Вестник МаГУ. 2010. С. 45–50.
- Севастьянова В.С. «Весь ужас переставшей пустоты...»: трагедия творения в художественном пространстве русской поэзии 1920-х гг. // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ves-uzhas-perestavshey-pustoty-tragediya-tvoreniya-v-hudozhestvennom-prostranstve-russkoy-poezii-1920-h-gg>. (дата обращения: 20.08.2024).
- Севастьянова В.С. «Гляди в холодное ничто...»: трагедия познания в художественных вселенных русского литературного модернизма (А. Блок, Ю. Балтрушайтис, В. Брюсов) // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glyadi-v-holodnoe-nichto-tragediya-poznaniya-v-hudozhestvennyh-vselennyh-russkogo-literaturnogo-modernizma-a-blok-yu-baltrushaytis-v>. (дата обращения: 29.08.2024).
- Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 Т. Москва: Книга по требованию, 2013. Т. I. 407 с.
- Фёдоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. Москва: МИК, 2004. 368 с.
- Франк С.Л. Духовные основы общества // Православная энциклопедия «Азбука веры». 2024. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshchestva/. (дата обращения: 11.09.2024).
- Хайдеггер М. Вещь // Цифровая библиотека по философии. 2024. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/index.shtml>. (дата доступа: 23.08.2024).
- Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. Москва: Республика, 1993. С. 16–27.
- Ханзен-Лёве Оге А. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду; перевод с немецкого Б. Скуратова, Е. Смотрицкого. Москва: РГГУ, 2016, 450 с.
- Шпенглер О. Закат Европы // Lib.ru: Классика. 2024. URL: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml. (дата обращения: 06.09.2024).

References

- Avdeychik, L.L. (2024), *Cultural synthesis in the poetry of V. S. Solovyov*, Scientific electronic library "CyberLeninka", [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-sintez-v-poezii-v-s-solovieva> (Access 09 September 2023).
- Berdyayev, N.A. (2024), *Crisis of art*, Electronic library of the Odintsovo deanery of the Moscow diocese, [Online], available at: http://www.odinblago.ru/krizis_iskusstva (Access 11 September 2024).
- Borev, Yu.B. (2001), *The period of postmodernism: a person cannot withstand the pressure and becomes a posthuman*, Theory of literature. Volume IV. The Literary Process, IMLI RAS, Nasledie, Moscow, Russia.
- Bulgakov, S.N. (1994), *The Unevening Light: Contemplations and Speculations*, Respublika, Moscow, Russia.
- Genis, A.A. (2024), *Modernism as a Style of the 20th Century*, Magazine Hall, [Online], available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/11/genis.html>. (Access 12 September 2024).
- Edoshina, I.A. (2002), *Artistic consciousness of modernism: sources and mythologemes*, Monograph, Ministry of Education of the Russian Federation. Russian State Humanitarian University, Moscow, KSU named after N.A. Nekrasov, Kostroma, Russia.
- Zverev, A.M. (2001), *Modernism*, Literary Encyclopedia of Terms and Concepts, Moscow, Russia, pp. 566–569.
- Isupov, K.G. (2012), *Symbolism and Hermeneutics*, *Opuscula slavica sedlcensia*, T. I, Siedlce, 98 p.
- Kazin, A.L. (2024), *Andrei Tarkovsky. "Andrei Rublev"*, Portal "Slovo", [Online], available at: https://www.portal-slovo.ru/art/35941.php?ELEMENT_ID=35941&PAGEN_1=4. (Access 11 September 2024).
- Meskin, V.A. (1997), *Crisis of consciousness and Russian prose of the late 19th – early 20th centuries*, Prometheus, Moscow, Russia.
- Sevast'yanova, V.S. (2011), "Swaying with darkness, nothingness arises..." (On the problem of non-being in the poetry of Russian modernism and in literary discourse), *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism*, Issue 61, no. 37 (252), pp. 109–118.
- Sevast'yanova, V.S. (2010), *"Into the primordial darkness...": the emanatic universe of Andrei Bely*, Bulletin of MaGU, pp. 45–50.
- Sevast'yanova, V.S. (2024), *"The whole horror of the ceased emptiness...": the tragedy of creation*

in the artistic space of Russian poetry of the 1920s., Scientific electronic library "CyberLeninka", [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ves-uzhas-perestavshey-pustoty-tragediya-tvorennya-v-hudozhestvennom-prostranstve-russkoy-poezii-1920-h-gg> (Access 20 August 2024).

Sevast'yanova, V.S. (2024), "Look into the cold nothingness...": the tragedy of cognition in the artistic universes of Russian literary modernism (A. Blok, Yu. Baltrushaitis, V. Bryusov), Scientific Electronic Library "CyberLeninka", [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/glyadi-v-holodnoe-nichto-tragediya-poznaniya-v-hudozhestvennyh-vselennyh-russkogo-literaturnogo-modernizma-a-blok-yu-baltrushaytis-v>. (Access 29 August 2024).

Soloviev, V.S. (2013), *Collected Works: in 10 vol.*, Vol. I., Book on Demand, Moscow, Russia.

Fedorov, F.P. (2004), *The Artistic World of German Romanticism: Structure and Semantics*, MIK, Moscow, Russia.

Frank, S.L. (2024), *Spiritual Foundations of Society*, *Orthodox Encyclopedia "ABCs of Faith"*,

[Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshchestva/ (Access 11 September 2024).

Heidegger, M. (2024), *Thing*, *Digital Library of Philosophy*, [Online], available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/index.shtml>. (Access 23 August 2024).

Heidegger, M. (1993), *What is metaphysics? Time and being: Articles and speeches*, Republic, Moscow, Russia.

Hansen-Loewe, Aage, A. (2016), *Intermediality in Russian culture. From symbolism to avant-garde*, RSUH, Moscow, Russia.

Spengler, O. (2024), *The Decline of the West*, Lib.ru: Classics, [Online], available at: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml (Access 06 September 2024).

Submitted: 10.06.2024

Revised: 09.09.2024

Accepted: 25.09.2024